

Самоотверженный романтик

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Археология, которая ещё недавно воспринималась как одна из самых романтических и загадочных наук, нынче выходит из моды. Кто же будет копать землю «за идею», просто для того, чтобы узнать, что было на месте наших городов сотни лет назад. Но, как ни странно, есть люди, которые всё-таки не оставляют этого занятия, вызывая у одних удивление, у других – уважение.

– Нас называют последними романтиками России, – хотя и с грустью, но не без гордости говорит руководитель Рыбинской археологической экспедиции доктор технических наук, профессор Рыбинской авиационной академии Александр Рыкунов. В начале 90-х годов ему пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить местные власти, что в Рыбинске необходимы археологические раскопки. Интуиция учёного и исследователя помогла открыть на Усть-Шексне большой древнерусский город, обозначив в истории Рыбинска ещё одну дату.

– Александр, что заставляет вас, преподавателя, учёного, успешного и состоявшегося человека, всё своё свободное время отдавать археологии?

– Много чего – научный азарт, дружба, романтика. После первой экспедиции все обычно думают: «Больше никогда». Тяжело это занятие. Но проходит немного времени – и снова в экспедицию. Почувствовав однажды эту страсть, трудно остановиться. У меня в экспедиции копают четыре доктора наук, взрослые люди совершенно разных профессий, из разных городов.

– Когда возник у вас интерес к археологии?

– Археологией я заинтересовался в четвёртом классе, уроки истории увлекли. Моя мама в те годы была заведующей кафедрой начертательной геометрии. Заметив мой интерес к истории, познакомилась с Людмилой Михайловной Марасиновой. Благодаря этой встрече в 14 лет я уже поехал «копать» Псков.

– И с какими впечатлениями вернулись?

– В той первой экспедиции было много впечатлений. Я был маленький и глупый, и в общении у меня в первый же день украли все деньги. Я стеснялся недели две об этом говорить. Когда всё-таки руководителю узнала, то определила меня на бесплатные обеды, и стало легче. Родители прислали деньги, но получить я их не мог – паспорта ещё не было. Когда вернулся, решил, что больше никогда не поеду на раскопки. Но прошло месяца четыре – и снова засобирался.

– Почему же при таком увлечении и даже раннем археологическом опыте пошли учиться в технический вуз?

– В этом виноваты родители. Они меня убедили, что на археологию я не поступлю. В Петербургском университете в группу археологов брали всего шесть человек. В школе я учился на четыре и три. Понял, что в Питере не поступлю. Пошёл учиться в наш вуз – надеялся, что для раскопок больше свободного времени будет.

– А как случилось, что пошли за свободным временем для раскопок, а стали доктором технических наук?

– Тут на кафедре был Сергей Семёнович Силин – увлёк. Это для Рыбинска очень значительная фигура, не уступающая по своему значению Герасимову и Дерунову. Он выпустил девять докторов наук, около сорока кандидатов наук. Из одной только нашей группы трое докторами наук стали. Нет ничего интереснее науки, и всё равно, в каком

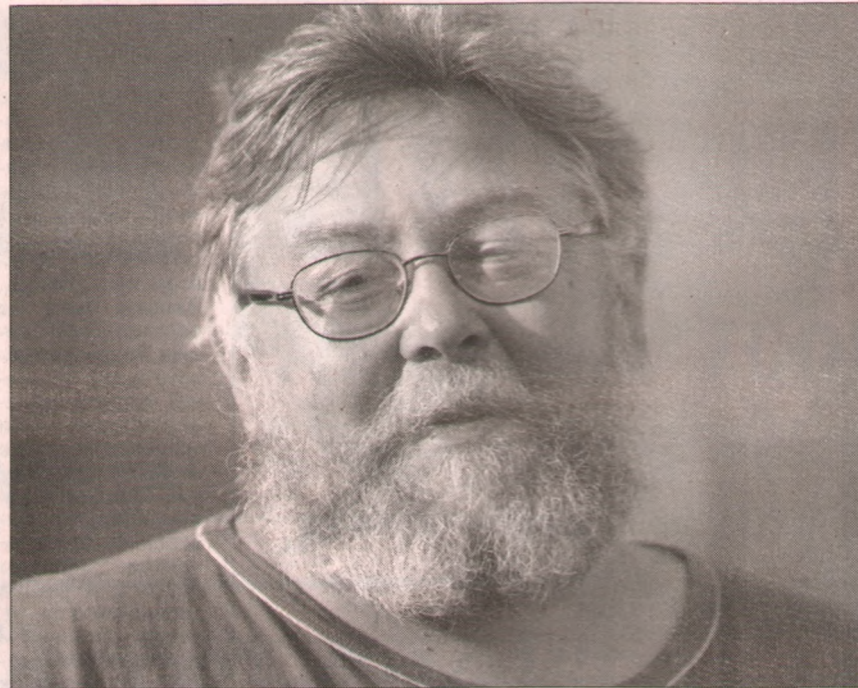

Фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

направлении ты её прикладываешь. Как ни покажется парадоксальным, но моя специальность – резание материалов и моё увлечение – археология мало отличаются друг от друга. Я ещё раз в этом убедился, когда повезли в Москву на исследование материалы раскопок – там те же приёмы, что и в физике.

– Как пришло желание и решение заняться раскопками в Рыбинске?

– В 90-м году здесь проводила раскопки Ирина Леонидовна Станкевич, ясно было, что город возник не на стрелке. А где? Тогда я сказал: «Такой замечательный город, а археологии нет». На что мне ответили: «Так ведь и археологов нет». Как нет? А я? За плечами уже были Псков, Новгород, Москва. Тогда дали какие-то копейки, и мы поехали в первую экспедицию. Главной-то археолог у меня жена Ирина Ивановна. Кстати, ещё одна привлекательная черта экспедиции: там все находят свои половинки. И ни одна пара не распадается,

потому что в экспедиции узнаёшь человека от и до, женишься «с открытыми глазами». Так вот, жена и получила «открытый лист» – разрешение на раскопки, и работа пошла.

– Усть-Шексна – это ваше открытие или как археологический памятник она была известна?

– Усть-Шексну открыл Дмитрий Александрович Крайнов. Это был уникальный человек. Ему было за 80, а он скакал на лошадях, флиртовал с девушками. Судьба невероятная. Попал в начале войны в плен – дважды бежал, дважды ловили. А когда вернулся на Родину – сразу в лагерь. Директор института археологии Рыбаков лично ходил к Сталину, просил за него. После освобождения Крайнов жил в Угличе, там вёл раскопки. И проходя с экспедицией мимо Рыбинска, нашёл, что здесь на правом берегу – памятник. Потом были Марасинова и Рапов. И уже в 90-е мы нашли типичные домонгольские вещи. Пугаясь

собственных находок, отвезли их в Москву. Теперь уже можем утверждать, что здесь найден древнерусский город – по возрасту и по величине третий на Руси.

– Какие находки, сделанные за эти годы, наиболее ценны и интересны?

– Нашли клад старинных монет, самая поздняя – 972 года, все монеты не Средней, а Передней Азии. Из последних находок поразила хазарская сабля X – XI веков. Не простая, а загнутая по спирали. Князя загибали так свои сабли в знак перемирия.

Значит, два князя поссорились, повоевали, потом помирились и загнули сабли. Это находка нынешнего сезона. Есть ещё кошка – якорь на длинной цепи. Вероятно, с её помощью таможенники гарпунили проходящие суда. А может, она принадлежала разбойникам. Нашли также клад, но оказалось, все монеты в нём фальшивые. А подделка такая искусная, что даже реставраторы её не сразу распознали. Все находки сначала отвозим на реставрацию в Москву, потом сдаём в музей. Одну нашу находку – уникальную вислую печать – из музея дважды пытались украсть. Заказ на неё шёл из Москвы. После отпевания Родиона Путятина, могилу которого тоже нам пришлось раскапывать, я зашёл в музей. Подошёл к витрине, печати не увидел. Зашёл к директору узнать, куда её отправили. Он не в курсе. Нажал кнопку – музей закрыли. Ещё 5 – 10 минут, и печать бы ушла. Оказывается, мужчина и женщина, военные, приехали из Москвы за

этой печатью с инструкцией, как её снять с охраны. Женщина притворилась, что ей плохо. Молодая зрительница повела её в туалет. Мужчина быстро снял с сигнализации печать и забрал её. Но у выхода их задержали. Это настоящее чудо. Потом было несколько судов – дело передали в военную прокуратуру. Мужчина объяснил, что печать хотел привезти в Москву, чтобы показать маме. А показал бы – и сразу отдал. В общем, воры остались на свободе, их даже в должности не понизили.

– А что планируется делать с Усть-Шексной? Ведь это мог бы быть интереснейший туристический объект.

– Есть план развития территории Усть-Шексны. Для этого надо не так уж много – сделать километр дороги и провести электричество. Несколько лет назад мы обнаружили башню, вокруг которой шёл частокол. Решили сами построить нечто похожее, собрали деньги у кого сколько было. Начали строить, нам помогли. Так у нас появилась башня, и территория вокруг неё начала потихоньку приходить в порядок. Теперь восстанавливаем производство керамических сосудов всех эпох и народов, которые здесь жили. Реконструировали гончарный круг, такой, каким он был в древности. Сделали копии древнего оружия, для чего нашли руду и выплавили металл. Можно бы реконструировать ювелирную мастерскую, их обнаружено даже две. Причём один мастер так искусно подделывал серебро, что современные химики не сразу разобрались. Сохранился дубовый пол XI века, по которому вполне мог ходить сын Ярослава Мудрого. Интересного много, но чтобы это и преподнести соответственно, нужны деньги.

– Что вы считаете главным итогом своей археологической деятельности?

– Главное, что мы зафиксировали три даты, три этапа в истории города – Усть-Шексна, Рыбная слобода, Рыбинск.

Марина ШИМАНСКАЯ.